

ние о создании ЕРБ было подписано 29 сентября 1995 года в Луцке на Украине. 15 мая 1998 года в Бресте, по предложению Брестской области с Белорусской стороны и Бяло-Подляского воеводства с польской стороны, ЕРБ был расширен, что подтверждено подписанием приложения к соглашению от 29 сентября 1995 года. Спустя два года, в мае 2000 года, в ЕРБ были приняты Сокальский и Жолкевский районы Львовской области.

ЗНАЧЕНИЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

С.В. Новоселов
(Россия, г. Астрахань)

С рубежа 1990-х годов Каспийское море превратилось в одну из региональных подсистем международных отношений, с тех пор ее значение в мировой политике неуклонно возрастает. После распада СССР вокруг Каспия скрестились многие важнейшие направления и интересы международной жизни. Причем регион в целом оказывается в существенно большей мере объектом, нежели субъектом отношений на глобальном уровне, что делает его уязвимым для влияния извне.

Геополитическое значение Каспийского региона определяется положением региона на стыке континентов и цивилизаций, политико-стратегической значимостью, энергетическими запасами, экономической ценностью природных ресурсов, а также той хозяйственной и иной деятельности, которая сопутствует их разработке. Каспийский регион включен во все уровни мировой экономики и политики: от локального до глобального.

Географическое положение Каспия ставит регион в жесткую зависимость от глобального уровня мировой политики и экономики. Такая зависимость складывается и проявляется в трех взаимосвязанных направлениях: экономическом, политическом и военно-политическом.

В области экономики государства региона зависят от экспорта энергоресурсов (в меньшей мере – Россия и Иран), который служит для стран региона важным (а для некоторых – единственным) источником доходов. И хотя в Прикаспийском регионе находятся значительные запасы минеральных ресурсов, однако, все они, за исключением добычи углеводородного сырья, требуют значительных капитальных вложений при длительных сроках освоения. Поэтому в ближайшей и среднесрочной перспективе экономическое развитие региона будет определять добыча нефти и газа, что объективно еще сильнее привязывает экономику стран региона к мирохозяйственной конъюнктуре, одновременно способствуя закреплению ее сырьевой и «моноварной» направленности. Подобное положение объективно ограничивает долговременные возможности социально-экономического развития соответствующих стран. Кроме того, страны региона имеют внешние долги перед США и другими странами, которые зачастую сопоставимы с их бюджетами. Фактически это означает, что страны находятся в полной зависимости и созданы все условия для их управления со стороны внешних структур, тем самым, лишились какого-либо маневра и самостоятельности во внешней политике.

В сфере политических отношений субъекты глобальной экономики и политики, решают в регионе и посредством региона собственные задачи, втягивая регион в политические отношения, самому региону не всегда полезные. При этом необходимо четко представлять, что в глобализирующемся мире доминирует «глобальная триада»: Северная Америка, ЕС, и Япония. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегаэкономки» мировой глобальной экономики. Лишь примерно десяти развивающимся странам (среди них Турция, Китай, Индия, Таиланд, Индонезия – и нет России, а тем более Прикаспийских стран) удалось внедриться в глобализированный рынок XXI века. В результате на данный момент существует безоговорочное доминирование «золотого миллиарда» во главе с США. Именно этот мир является субъектом международных отношений, остальной мир – периферия (за исключением Китая) является его объектом. Поэтому прикаспийские страны, внешне сохраняя полную политическую самостоятельность, начинают выполнять по отношению к

наиболее развитым государствам несколько служебных функций: обеспечивают их энергосырьевыми ресурсами и продукцией экологически «грязных» отраслей промышленности, служат ареной финансовых спекуляций и источником поступления финансовых средств, необходимых для поддержания динамичной стабильности валютно-финансовой системы и денежного обращения на Западе.

Прекращение СССР, распад биполярного мира, открыли путь к политическому оформлению и закреплению лидерства США в глобализирующемся мире и процессов глобализации в целом.

Поэтому на первый план выходят военно-политические аспекты глобализации. В вооруженном противоборстве с тем, что сегодня обозначается понятием «международный терроризм» создаются практические механизмы и средства политического оформления глобализации, роли и места США в этих политических структурах. По очевидным причинам, Каспийский регион уже втянут не только во все описанные выше процессы, но и в военно-политические, и чисто военные их компоненты.

События 11 сентября 2001 года принципиально изменили геополитическую ситуацию и баланс сил в мире и в регионе. США получили беспрецедентные возможности по активизации своей внешней политики, фактически взяв на себя «дирижирование» основными международными событиями. Пожалуй, можно говорить о том, что международный терроризм (до настоящего времени мировое сообщество не выработало единого определения мирового терроризма, что позволяет каждой стране трактовать его по-своему), наряду с управляемыми конфликтами и политической нестабильностью превратился в один из инструментов, с помощью которого можно добиваться тех или иных целей во внешней политике. Это наглядно продемонстрировали США для вхождения в страны Центральной Азии и Кавказа, оккупации Ирака, а также для усиления своей ведущей глобальной роли в мире.

В короткие сроки США сумели укрепить свои позиции в различных регионах мира, в том числе, и в Каспийском регионе. «Благодаря умелому геополитическому маневру, Вашингтон получил возможность решать несколько проблем сразу: воздействовать на нефтегазовые месторождения Большого Каспия; изолировать неугодный Америке Иран; оказывать давление на уязвимое место Китая (Синьцзян – Уйгурский автономный район) с тыла; контролировать Афганистан не только изнутри, но и извне; поддерживать своего союзника – Пакистан – с наземных баз; реагировать на ныне ядерное противостояние на Индостане с севера»¹.

Одним шагом была реализована задача, был обретен прочный геополитический контроль над Средней Азией, расположение военных баз и политического присутствия в ключевой зоне Евразии. США взяли под свой контроль не только колоссальные запасы углеводородного сырья, но и нынешние и будущие маршруты транспортировки нефти и газа на внешние рынки, одновременно установив контроль над транспортными коммуникациями. Таким образом, огромное пространство Евразии, о котором еще в начале прошлого века говорили классики геополитики, уже входит под контроль Вашингтона. Как тут не вспомнить американского геополитика Николае Спикмена, который выдвинул свою максиму: кто контролирует Евразию – контролирует мир. Кроме того, США решили и другую геополитическую задачу. Создание баз США в Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Афганистане хорошо вписывается в стратегию окружения Китая. Продвижение к китайской территории имеет для Вашингтона важное значение в долгосрочном плане. В США не исключают, что темпы наращивания экономической мощи этой страны уже через 15–20 лет могут привести к тому, что на евразийском пространстве появится мощное государство, способное вступить в борьбу за контроль над энергоресурсами и транспортными коммуникациями.

«В результате, образовался широкий коридор военного присутствия Америки от центра Индийского океана до юга Центральной Азии»². А, по словам Гейдара Джемали (Исламский комитет России), военное проникновение США в Центральную Азию привело к тому, «что в окружении оказалось сразу два азиатских макрорегиона: с одной стороны – Китай, с другой – Средний Восток»³.

Пытаясь закрепить стратегические успехи в Каспийском регионе, США пытаются создать «санитарный» кордон, представленный странами ГУУАМ, сдерживающий экспансию России с севера, а Ирана и других фундаменталистских сил – с юга⁴.

Использование стран Центральной Азии и Кавказа в качестве плацдарма, позволило американской дипломатии нарушить военно-политический баланс в регионе, более активно развивать сотрудничество с региональными странами, одновременно корректируя и направляя их внешнеполитический курс. По этой причине обеспечение безопасности центрально-азиатских республик от террористов и поддержание в них стабильности – лишь второстепенная задача, решение которой необходимо для реализации глобальной стратегии. Это дает основание для утверждений, что страны Центральной Азии являются одним из инструментов внешней политики администрации Дж. Буша, а не ее конечной целью.

Превалирование евразийских концепций во взглядах российского руководства, самоутверждение Китая, усиление Ирана на Ближнем Востоке привело к переосмыслению США принципов и способов обеспечения своего доминирования в Евразии.

В сентябре 2002 года США разработали новую «Стратегию национальной безопасности США» (The National Security of the United States of America) или «Доктрину Буша». Этот документ характеризуется переходом от политики сдерживания к превентивности, и намерением действовать самостоятельно, независимо от позиций европейских союзников. Это, несомненно, является изменением структуры международных отношений. «Мы будем защищать США, американских граждан и их интересы дома и за рубежом путем выявления и уничтожения угрозы до того, как она достигнет наших границ. Мы без колебаний будем действовать в одиночку, если необходимо на опережение террористов, осуществляя наше право на самооборону путем нанесения превентивных ударов против подобных террористов, чтобы помешать им причинить вред нашему народу и нашей стране»⁵. В новой стратегии следует выделить два главных момента – сохраняющийся упор на применение военной силы в качестве средства обеспечения национальной безопасности США и на одностороннее применение силы по усмотрению правительства США. Новая стратегия еще больше уменьшает роль ООН в качестве механизма поддержания международной безопасности и устанавливает приоритет за военной ролью США в качестве средства поддержания международной безопасности. При этом, поскольку процесс принятия решения в области поддержания международной безопасности будет сосредоточен в Вашингтоне, усиливается его односторонность.

Таким образом, США продолжают «эволюцию в сторону закрепления своего статуса единственной сверхдержавы, прежде всего военной сверхдержавы».

И самое интересное, что ничто и никто не мешает США реализовать свою новую стратегию и нанести превентивный удар, поскольку они обладают и военным и экономическим преимуществом над остальными странами.

На основании этого можно предполагать, что стратегия США в Каспийском регионе будет направлена на реализацию следующих целей:

- главная стратегическая цель – закрепить нынешнее лидерство США в мире, в том числе и в Каспийском регионе;
- предотвратить появление какой-либо державы, способной противодействовать США на Евразийском континенте;
- свести до минимума «российский фактор» в регионе, игнорируя экономические и военно-стратегические интересы России;
- используя заинтересованность стран Центральной Азии и Кавказа в привлечении иностранных инвестиций, взять под контроль их экономики и политику, одновременно готовя почву для встраивания этих государств в свою систему безопасности, возможно, и через механизм НАТО;
- использовать доминирование США в регионе для манипулирования странами Центральной Азии и Кавказа против влияния России, Ирана и Китая;
- активное проведение политики по созданию новых возможностей для получения энергоресурсов из разных районов мира.

Важнейшей составляющей национальной безопасности США, является обеспечение энергетической безопасности страны. Это определяется, как прогнозами, согласно которым нефть из известных на сегодняшний день месторождений в мире, закончится через 40–50 лет, а газ через 60–65 лет⁶, так и непосредственной зависимостью американской экономики, потребляющей четверть всех производимых в мире объемов нефти (из них менее половины добывается внутри страны), от внешних источников нефти и крайней уязвимостью от любых эксцессов на мировом рынке нефти. Так, если в прошлом году импорт составлял 52 % всего внутреннего потребления нефти, то в 2010 году чистый импорт нефти возрастет уже до 58 %, а к 2020 году составит 64 %. В этот период два из каждых трех баррелей потребляемой в США нефти будет импортированной⁷.

Поэтому нефть все больше рассматривается в США как опасная зависимость от внешнего мира. Это вынуждает Вашингтон диверсифицировать источники.

В глобальной энергетической стратегии США приоритетными являются три направления: государства Западного полушария, Ближний Восток (зона Персидского залива) и Каспий. В Западном полушарии ничто не угрожает позициям Вашингтона и бесперебойности поставок нефти в США.

В настоящее время и в кратко- и среднесрочной перспективе зона Персидского залива будет продолжать оставаться главным объектом геостратегического внимания США. С точки зрения запасов энергетического сырья, Персидский залив – это до 600 млрд баррелей нефти и 1600 трлн кубических футов природного газа. Как подчеркивается в Национальной энергетической политике, «Персидский залив будет главным объектом внимания международной энергетической политики США, однако наша вовлеченность будет глобальна, мы будем высвечивать существующие и зарождающиеся регионы, которые будут оказывать главное воздействие на глобальный энергетический баланс»⁸.

Соответственно, Каспий следует рассматривать в связке с зоной Персидского залива. В том же документе Белого дома подчеркивается, что «растущий объем производства нефти и ее экспорта из Каспия является важным фактором, который может снизить негативное воздействие перебоев с поставками нефти на американскую и мировую экономику»⁹.

Каспийскому региону еще только предстоит пройти длительный период развития производства и инфраструктуры, чтобы стабилизировать свою роль ключевого региона-нефтеэкспортера.

Нефтяные и газовые ресурсы Каспийского региона влияют на расстановку сил на мировом энергетическом рынке. Месторождения этого района способны в какой-то степени ослабить зависимость мировой экономики от ближневосточной нефти. Особое значение энергоресурсы Каспия могут иметь для удовлетворения быстрорастущих потребностей в энергосырье Китая и других азиатских государств с высокой динамикой экономического роста. Так, если, при темпах экономического роста на уровне 8 процентов в год, Китаю необходимо 420 млн тонн нефти в год, то при 10 % экономическом росте – 450 млн т. Потребности Китая в импорте нефти к 2010 году достигнут 260 млн т¹⁰.

Вместе с тем, на сегодняшний день точную цифру углеводородных ресурсов Каспия назвать сложно. Реалистично оценивать его прогнозные углеводородные ресурсы в пределах 10–12 млрд т¹¹.

Это, конечно, намного уступает запасам нефти в районе Персидского залива. Тем не менее, они позволяют рассматривать Каспийский регион как «представляющий глобальный интерес своими значительными запасами нефти», который может поставлять на мировой рынок около 3–5 млн баррелей нефти в день, что составляет от 3 до 5 % объема мирового спроса (ежегодно в мире сегодня добывают 3350 млн т нефти и около 2370 млрд м³ газа.). Таким образом, можно сказать, что в долгосрочной перспективе этот регион может стать одним из серьезных экспортеров нефти, заступив, скорее всего, на место Северного моря. Следует еще раз подчеркнуть, что приведенные выше данные о ресурсном потенциале углеводородов на Каспии не могут считаться окончательными. И уже совсем не подлежит никаким сомнениям то,

что на Каспии есть что делить, и именно поэтому прикаспийские государства так долго не могут договориться между собой по этому и другим, связанным с ним вопросам.

Проблема каспийской нефти, если позволят запасы «поздней» нефти состоит в том, что она могла бы рассматриваться как потенциальный мировой резерв, который может быть задействован в случае истощения запасов нефти на Северном море, Персидском заливе и других регионах мира, либо в случае изменения ценовой конъюнктуры нефти на мировых рынках. Потребителей каспийской нефти, испытывающих острую нужду в ней, пока нет.

Все это прекрасно понимают в США и не торопятся с освоением каспийских месторождений. По расчетам министерства энергетики США, мировая добыча нефти достигнет своего пика к 2010 году. В связи с этим вряд ли в ближайшей среднесрочной перспективе (до 2010–2015 гг.) развернется широкомасштабное освоение нефтегазовых месторождений.

И хотя каспийская нефть сама по себе для США не может быть таким интересом, прежде всего, потому, что ее доля в мировой нефтедобыче ничтожна, а в импорте США практически отсутствует (США зарезервировали еще в 1970-е годы на своей территории разведанные и подготовленные к добыче запасы, минимум на два порядка превышающие самые радужные оценки отдаленных перспектив добычи нефти на Каспии), согласно стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г., укрепление стратегической безопасности правительство США видит в сотрудничестве с «союзниками, торговыми партнерами и производителями энергии с целью расширения источников и типов глобальных энергетических поставок, особенно в Западном полушарии, Африке, Центральной Азии и Каспийском регионе». Поэтому Вашингтон в ближайшей перспективе будет активно прилагать усилия по разработке новых источников энергоресурсов в Каспийском регионе.

К исходу 2002 года действия США дают все основания говорить о том, что долгосрочной целью Вашингтона является включение в нефтяной коридор не только прикаспийских государств, но и таких стран как Ирак и Саудовскую Аравию. Создание подконтрольной энергетической дуги на огромном евразийском пространстве: Каспийский регион – Центральная Азия – Средний Восток – вот, видимо, основная цель нынешней администрации Дж. Буша. Ее достижение позволит взять под контроль свыше половины мировых запасов углеводородного сырья: как нынешних, так и будущих.

Фактически речь идет о развороте экспортных потоков энергетических ресурсов на внешние рынки, изменение роли отдельных стран на огромном пространстве Евразии. Если ранее главным условием США являлось то, чтобы новые маршруты не проходили по российской территории, то к концу 2002 года акценты внешнеполитического курса американской администрации сместились. Сегодня этот принцип расширен и трансформирован следующим образом: ни одна из стран экспортеров не должна иметь определяющего влияния на добываемые объемы углеводородного сырья и направления его экспорта на внешние рынки с евразийского пространства.

Вместе с тем, «Стратегия национальной безопасности США» определяет три вида угроз бесперебойности поставок энергоресурсов. Во-первых, это использование открытой силы одним из региональных гегемонов, обладающих оружием массового уничтожения. Во-вторых, внутренняя нестабильность и терроризм в странах-экспортерах. В-третьих, конфликт по поводу многообещающих нефтяных резервов Каспийского моря и неурегулированности статуса этого внутреннего водоема.

Еще в 1997 году авторы книги «Стратегическая география и перемены на Ближнем Востоке» Д. Кемп и Р. Гаркави ввели понятие «стратегический энергетический эллипс», обозначив им единый район Персидского залива и Каспийского бассейна¹². Он охватывает 16 государств: почти всю территорию Ирана, часть России, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Омана, Саудовской Аравии, Ирака, Турции, Грузии и полностью территории Азербайджана, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Бахрейна, Катара, Армении. «Эллипс» включает в себя всю акваторию Каспийского моря и около 90 % территории Ирана, связывающего это море с Персидским

заливом и Индийским океаном. На эти регионы суммарно приходится 70% мировых достоверных запасов нефти и 40 % газа. Иран – стержень региональной геополитики. Соединяя Каспийский бассейн и Индийский океан, он в то же время разрезает «стратегический энергетический эллипс» надвое, разрушая теоретическую стройность американской геополитической конструкции.

После оккупации Ирака все жестче звучала тема американо-иранского противостояния. Иран беспокоит США своей ядерной программой, деструктивной ролью в Южно-Кавказском и Центральном-Азиатском регионах, пособничеством террористам, а также усилением в Персидском заливе, что представляет непосредственную угрозу интересам безопасности США.

Как уже заявил старший заместитель государственного секретаря США Джон Болтон, американское руководство оставляет за собой право предпринять военные действия против Ирана в связи с ядерной программой этой страны.

Но почему именно Иран сегодня стал первостепенной целью США, «врагом номер 1» из всех «стран-изгоев», из всей «оси-зла»?

США намерены воспользоваться моментом своего могущества, чтобы в очередной раз показать, кто в мире хозяин. Тем более что включение Ирана в орбиту американского влияния позволит США решить сразу несколько задач. Во-первых, нефтяной привкус политики Вашингтона в отношении Ирана очевиден. Во-вторых, Иран может стать одним из ключевых форпостов США в противостоянии с арабским миром. В случае координации действий Ирана с Западом резко ослабятся позиции арабских противников США, и Вашингтону будет легче контролировать ситуацию в регионе. В-третьих, Вашингтон получит «сухопутный» доступ к ресурсам государств Центральной Азии. Уран из Узбекистана и Афганистана и казахстанскую нефть никто не будет возить по воздуху. Есть еще и внутривосточный для США аспект. Иран из всех «стран-изгоев» – самое сильное и развитое государство, а значит, и самый серьезный противник и не только из-за ядерного арсенала. Иран, будучи шиитской страной, имеет большое влияние на иракских шиитов, которых там проживает больше 60 %. Зачем США такой конкурент, да еще в столь беспокойном регионе? И если администрации США удастся добиться победы или хотя бы видимой защиты от этой страны, то все вопросы президентских выборов-2004 в США будут сняты сами собой.

Установление проамериканского режима в Иране автоматически усиливает позиции Турции и ослабляет позиции России на Кавказе. В перспективе регион может оказаться независимым от российских энергоносителей.

Но проблему Ирана полномасштабными экономическими санкциями наподобие иракских или югославских вряд ли удастся решить из-за того, что страна «утопает в море нефти». Да и сами санкции мировое сообщество, не торопится вводить, учитывая уроки Ирака. К тому же многие государства имеют в Иране серьезные интересы, которые никто просто так терять, не намерен.

США не начнут военную акцию против Тегерана, пока не окружат Иран кольцом военных баз в Азербайджане, Казахстане, Таджикистане и Южной Киргизии. Вписывается в этот сценарий и план Пентагона провести крупнейшую после второй мировой войны передислокацию своих зарубежных экспедиционных контингентов в Европе.

Основная причина передислокации американских войск связана с необходимостью переброски войск ближе к возможным аренам боевых действий. Эта концепция привязана к энергетической стратегии США. «Географические реальности предъявляют большие требования потенциальным возможностям силы. Например, поскольку нефтяные и газовые месторождения в Центральной Азии обладают стратегической ценностью, нам необходимо запланировать использование силы на больших расстояниях, значительно дальше от берегов и существующих баз»¹³.

Во второй главе «Национальная военная стратегия» документа под названием «Всесторонний обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил США», прямо говорится о том, что «интересы, ответственность и обязательства Соединенных Штатов как великой державы распространяются на все без исключения регионы

мира». Отмечается «заинтересованность в поддержании выгодных для США региональных балансов сил. Она обуславливается необходимостью предостеречь вероятных противников от опасных форм военного соперничества с Америкой, так как потери, которые они могут понести от враждебных действий, будут намного превышать ожидаемые ими выгоды»¹⁴.

Пентагон планирует перебросить часть сил ВВС и сухопутных войск из Германии на территорию Польши, Румынии, Болгарии и других стран. Передислокация вооружений и личного состава может начаться уже в начале 2004 года. Особые надежды, США связывают с военным присутствием на территории стран СНГ, которое планируется сделать постоянным. Главный акцент делается на Грузию и Азербайджан. Уже существует договоренность о размещении в Азербайджане 15 тысяч военнослужащих США. Помимо доступа в Иран, Азербайджан является ключевой страной для США еще и потому, что без него практически невозможно поддерживать контроль над всей закаспийской Центральной Азией. Плацдармом же для удара по Ирану станет Ирак.

Цель администрации Дж. Буша – свести воедино все ранее предпринимавшиеся в этом регионе акции в рамках «большой программы» установления «регионального единства» по схеме: США–Турция–Большой Кавказ¹⁵.

Таким образом, Каспийский регион трояко вписался в систему геополитических процессов постсоветского мира: через формирование здесь новых субъектов региональных и международных отношений; через включение региона в целом в межрегиональные отношения и через приход в регион внешних для него сил и государств, решающих здесь свои собственные задачи. При этом США, обладающие глобальными интересами и возможностями, способны оказывать существенное влияние на положение дел в регионе, на международный статус отдельных стран региона, на место всего региона в мировой экономике и политике и выступают в качестве регионально-го лидера.

В то же время внутрирегиональные силы (за исключением России и Ирана) не обладают сопоставимым влиянием за пределами своего региона.

Геополитические аспекты проблематики Каспия и в ближайшей перспективе будут оказывать решающее воздействие на развитие ситуации в рассматриваемом районе мира.

В общем виде подход США к Каспийскому региону можно сформулировать следующим образом: сохранение повышенного внимания к прикаспийским странам, при одновременном расширении своего влияния на страны Среднего Востока путем применения широкого спектра внешнеполитических инструментов.

¹ Уткин А. Энергия ислама. Центральная Азия в мировом политическом уравнении // Мировая энергетическая политика. № 7. 2002. С. 24–26.

² Белокрыницкий В.Я. Независимая газета. 21.01.2001. С. 1, 10.

³ Stringer (Стрингер), март 2002. № 3(22). С. 8.

⁴ Расизаде Алек. Нефть Азербайджана – мышеловка для Запада? // Центральная Азия и Кавказ. № 1. 2001.

⁵ Профиль с Business Week 7.10.2002. С. 75–76.

⁶ Денчев К. Нефтегазовый фактор в международных отношениях. // Полития. Москва. № 3 (13) Осень 1999 года. С. 130.

⁷ National Energy Policy. Washington, D.C., 2001.

⁸ National Energy Policy. Op. cit.

⁹ National Energy Policy. Op. cit.

¹⁰ Смирнов С.Л. Нефтегазовые проблемы Китая и их решение во взаимоотношениях с соседними странами. // Вестник Казахского национального государственного университета. Серия «Международные отношения и международное право». Алматы. 2001. №3 (5). С. 46.

¹¹ См.: Эксперт. 1998. N 18; The Wall Street Journal Europe. October 13. 1998.

¹² Интерфакс-АИФ, №№1-2; 1-18 января 1998 года.

¹³ Transforming Defense. Natural Security in the 21st Century. Report of the Natural Defense Panel. Washington, D.C., Dec. 1997. P. 13.

¹⁴ Юрьев И. Независимое военное обозрение. 13.06.2003 г.

¹⁵ Языкова А. Государства Южного Кавказа и Россия (Объективные интересы и субъективная политика) // Вестник аналитики. М., (2001). № 4. С. 124–131.

РЕГИОН КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Ю.М. Павлов, М.Ю. Павлов, А.И. Смирнов
(Россия, г. Москва)

Переход человечества в состояние планетарной взаимосвязанности и взаимозависимости стран и народов заставляет ученых, занимающихся изучением общества, искать новые методологические подходы к адекватному осмыслению и описанию процессов, происходящих в мире. Дальнейшее исследование проблем глобальной человеческой деятельности не может уже сегодня ограничиваться общими рассуждениями о единстве в сфере экономики, политики, культуры. Нужен более тонкий механизм, с помощью которого можно было бы охватить многообразие различных видов отношений, составляющих ноосферу земли. Ведь в глобальном мире процессы протекают иначе, чем в доглобальном. Складываются новые движущие силы, механизмы взаимодействия.

Одним из таких подходов может быть пространственно-темпоральное (временное) описание мирового политического процесса. Речь идет о социальном пространстве и социальном времени, т.е. проявлении атрибутивных свойств материи на ее социальном уровне.

Исходя из понимания социального пространства как формы социальных образований, определяемую со стороны протяженности, соединения и разделения человеческой деятельности и общественных отношений и опираясь на структурно-функциональный анализ современного мира, можно выделить множество пространственных образований.

В методологическом плане это позволяет выделить отдельные потоки, составляющие мировое общественное движение, рассмотреть их взаимодействие в ходе развертывания человеческой истории, на новом уровне поставить вопрос о детерминизации земного социума.

Основным критерием выделения того или иного вида пространства являются различные виды деятельности, включенные в систему планетарных общественных отношений. Кроме того, необходимо учитывать территориальный фактор деятельности общества. Исходя из этого, можно выделить естественно-социальные пространства, к которым относятся географическое функциональное, экологическое. К сформировавшимся социальным пространствам следует отнести: политическое, правовое, военное, экономическое, технологическое, этническое, религиозное, информационное, культурное, образовательное. Их появление происходило по мере развития человеческого общества и они с разной интенсивностью оказывали и оказывают влияние на развитие процессов в мире. Они пересекаются, но в то же время каждое из них имеет свою специфику.

В центре внимания настоящего материала будет главным образом функциональное пространство, которое, как уже было отмечено, принадлежит к классу естественно-социальных пространств. Прежде всего, отметим, чем естественно-социальные пространства отличаются от социальных. Естественно-социальные пространства имеют непосредственную связь между средой обитания и деятельностью человека. В то же время для социального пространства эта связь носит опосредованный характер. Поясним эту мысль подробно.

Географическое пространство – это, прежде всего территория, имеющая определенные границы. Но географическое пространство не может быть таковым вне деятельности людей, без создания на данной территории системы общественных отношений. До вступления во взаимосвязь с человеком, географическое пространство является лишь ландшафтной средой, которая по мере вовлечения в структуру оформляется в географическое пространство.